

● ПЕТУХ С ГЛУШИТЕЛЕМ

РАССКАЗ

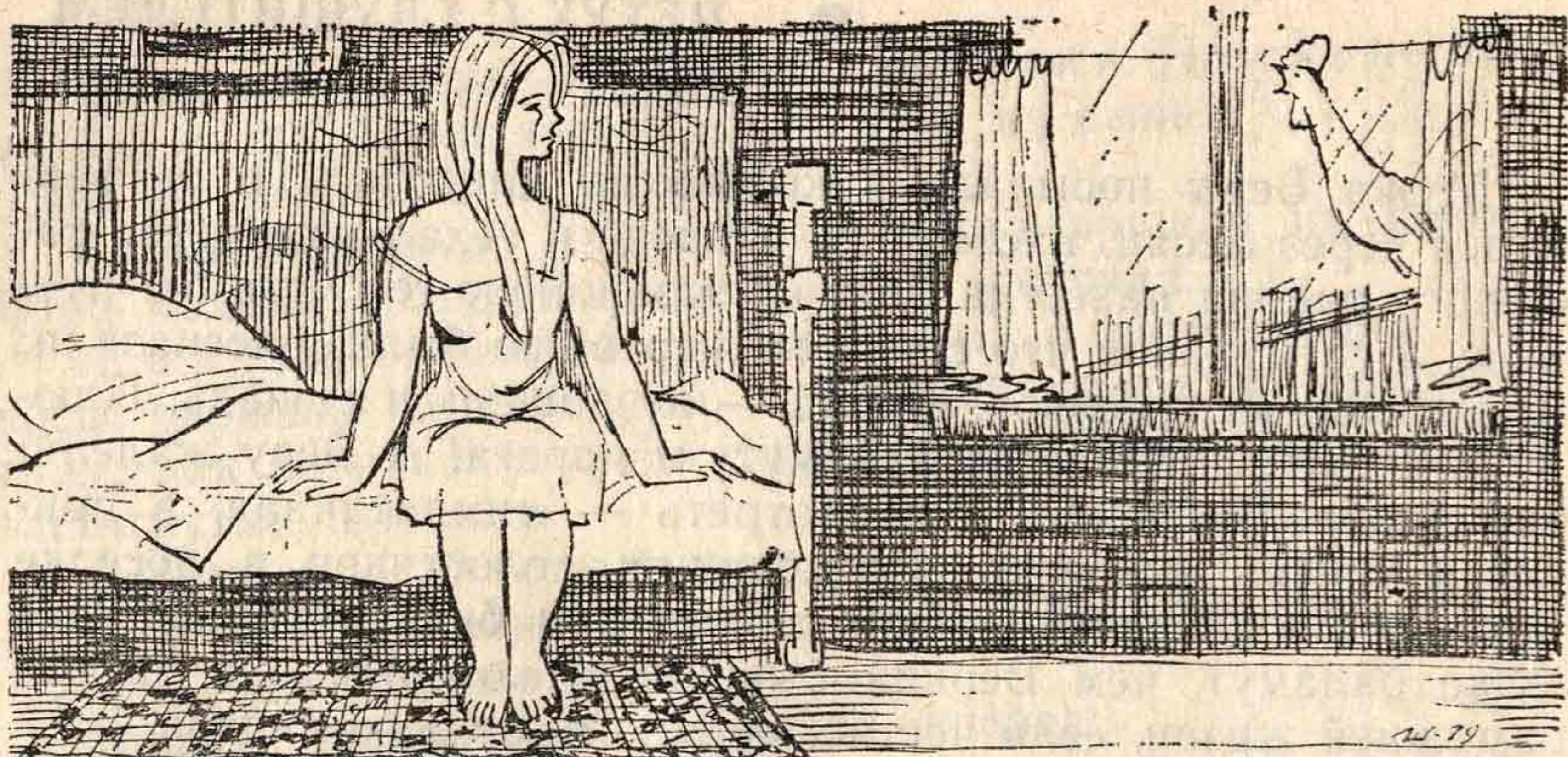
Мужа Веры посылали в колхоз на картошку, а он вернулся через месяц, настоял на разводе и уехал из нашего таежного района навсегда. Нашел там какую-то. Хоть бы путную, а то мужики, что с ним на картошке были, рассказали: из высланных тунейдок, на вид — ну лошадь и лошадь. Плюнули в Балыктаке: туда баламуту и дорога! А Веру жалели: такая обходительная, и посмотреть — симпатичная, а придется теперь куковать. Подходящих холостяков в поселке нет. Кого ни возьми — или сопляк или бич пропащий, еще хуже баламут, чем Веркин бывший, с которым она за год замужней жизни, если честно, не много доброго видела.

Потом Вера схоронила мать и осталась в доме одна. Вечерами приходила к ней Клавка-телефонистка, большая тараторка и тоже кукуха неустроенная. Клавка не зря отсиживала смену за коммутатором: всегда приносила кучу сплетен — чай подсластить. Они болтали допоздна, копаясь в чужих жизнях, и Вера забывала, что ее-то собственная катится в пустоте и подкатывается уже к тридцати... А если ночью вспоминала — лежала до свету без сна. Рассвет наливался все ярче, и все яростней орал за окном петух. Этого горластого петуха и десятков кур завела еще мать, а Вера их под нож не пускала: все ж память о матери, живая ниточка. Под петушины крики Вера вставала и собиралась на драгу.

Студенты-практиканты завезли в Балыктак песенку:

Драга не корыто —
Вся земля изрыта.
Драга — это тоже пароход!
Палуба качается,
Бочечка вращается,
Золотишко родине дает...

Верина должность звучала вполне по-пароходному: палубный матрос. Конечно, на самом-то деле какой там матрос — уборщица, да и все. Правда, летом глянешь с верхней палубы — тайга кругом солнечная, зыбкая. Засмотришься, и покажется, что укачивает тебя, вот-вот уснешь. А оторвешься от этих далей, глянешь перед собой по ходу драги — вздрогнешь: чернеет, как штормовая пучина, взрытое поле. И ползают бульдозеры, срывают торф, пни, кусты: расчищают полигон.

На одном из бульдозеров — долговязый Сема Ящур. Этот Сема как-то подогнал бульдозер к дражному котловану на ремонт. А был пересменок, Вера среди прочих ждала машину — ехать домой. Как-то вышло, что они с Семой очутились за большим тополевым выворотнем, укромно от всех. То да се — и обнял ее Сема. И в гости назавтра напросился. Она повела плечом: ну приходи.

Вечером Клавка, услышав такую новость, как вцепилась в чайную чашку, как пошла трещать... Вера только вздыхала, губы покусывала.

— С его пятьдесят процентов лупят, я точно знаю, Верка! У его бывшей — трое от его. Аж на Черном море где-то живут.

— Да говорил он...

— Пятьдесят процентов, а? Видать, долго прятался, простячок!

— Не прятался. Она сама сначала, говорит, не подавала....

— Ну прям, не подавала!.. Ой, а интересно, за что ж он сидел? Он тебе не говорил? По глупости? Ха-ха! Простячо-ок!.. Слышь, а разговаривает-то он деликатно, без матюгов, послушаешь — прям куда там!.. А помнишь — сразу, как приехал сюда, — с полгода пил, не просыхал. Как только носяру свою длинную не отломал, кувыржавшись.

— Сейчас же не пьет...

— Это ему Федька-начальник пинжак завернул — вот и не пьет. Вообще-то, конечно, у их там, в общеаге, одна забо-

та, они там и покойнику за шкурку нальют. Ты че, думаешь, — у его к тебе че серьезное?

— А! Думаешь, думаешь... Ничего я не думаю!

— Но этот у его полубокс дурацкий — зава-ал! Это его Толик так чекрыжит, личный парикмахер, еще один анекдот ходячий.

В общем, развинтила Клавка Сему на все составные косточки, как следует промыла и, опять свинтив, хихикнула:

— Валяй, дева! Убудет с тебя, что ли?

Опять Вера проворочалась в постели до яростных петушиных воплей. Все видела Семины глаза, чувствовала на себе тяжелую ласковую руку. О чем только не перемечтала — вплоть до того, что вот возьмет да и велит ему отпустить усы подковкой, модные, — раз нос длинный, то с усами приличнее, — и волосы сзади пусть чтобы чуть удлиненные, и свяжет ему малиновый пуловер к белой рубашечке...

На другой день к вечеру Вера вдруг, сама не зная отчего, заробела, попросила Клавку — пусть придет и побудет. Клавка быстренько прическу накрутила — и к ней.

И вот явился Сема в новеньком жеваном костюме. Костюм черный, а туфли — желтые, как лимоны. Вера как глянула на эти туфли — даже зажмурилась. Уж пожалела, что Клавку к себе затащила.

Сему тоже не устраивало Клавкино присутствие. Он посмотрел на нее долгим взглядом и сделал намек:

— Что у тебя, Клава, не отнимешь, так это твою повсеместную общительность.

А Клавка юбку растянула, присела косолапо перед ним и с улыбочкой пропела:

— Н-да?

Уходить и не подумала.

Тогда Сема предложил посмотреть кино.

Пока топтались у клуба в ожидании сеанса, Сема нервничал, отходил к мужикам в темноту, светил оттуда лимонными туфлями. Во время сеанса он был уж больно смирен — ни разу даже не наклонился к ней. Вера слегка обиделась. А когда зажгли свет, она увидела, что Сема... спит. Сразу-то не поняла. Зато Клавка сообразила мигом:

— Нажрался перед самым кино! Видала — они там, в потемках-то, кучковались?

— Но... — Вера растерялась. — Садилась — трезвый же был!

Клавка фыркнула:

— Пока сидел — доспел!

Выходившие из зала балыктакцы оглядывались на них. Вера покраснела и рванулась к выходу. Он догнал их уже у Вериной калитки. Попытался войти в дом, бубня извинения. Язык у него работал неважно. Вера оттолкнула его, да слишком резко: Сема грохнулся с высокого крыльца.

— Мамоньки! — ахнула Клавка.

Вера услышала в ее голосе ужас и восторг и опять пожалела, что позвала ее к себе. И точно — на завтра ссадины на Семиной скуле уже к полудню ни для кого в поселке не составляли загадки. Запорхали смешки. Сема, встречаясь с Верой, цедил:

— Приветствую вас...

Веру злила его презирующая физиономия, но еще больше злилась она на болтливую Клавку.

А тут начались важные для поселка события.

Балыктакской драге давала энергию небольшая дизельная электростанция, она же и поселок освещала. Завоз горючего обходился дорого, и прииск решил своими силами провести в Балыктак линию от районной электростанции. Со всех разбросанных по району участков Оскорского прииска послали людей рубить просеку. Из Балыктака тоже уехало несколько человек, среди них и Сема Ящур.

Все лето трелевал он на просеке спиленный лес, а осенью привел свой трактор в Балыктак подремонтировать. Вера встретила Ящура у мастерской. Какой же он был страшный и небритый!

— Полупоклон и привет! — ответил он на ее «Здравствуй». Постояли молча. Глядя, как он вытирает руки грязнущей тряпкой, Вера пробормотала:

— У вас тут что — ветоши приличной нет? У меня дома куча тряпок. Хочешь — забери.

— Ах, как это пикантно в вашу сторону! — Сема развел руками, и его зеленые глаза, большие на похудевшем лице, противно сузились. — Всю жизнь я мечтал занять кучу тряпок. Чтобы мягко свалиться с крыльца...

Вере вдруг стало смешно: ну сколько можно дуться! Тут белобрысый Толик, Семин напарник, окликнул его, и Сема исчез в дверях мастерской.

Вечером она думала, что он вот-вот постучится. Ночью изводила себя: «Куча тряпок! Нашла, дура, словечко». А на рассвете сверкнула догадка: а ведь им там выходные, хоть редко, но дают! Значит, ездит куда-то. К кому-то... Ох, как

тоскливо орал в то осеннее утро ее белый петух, — за душу дергал, хоть иди да руби ему башку.

Перед Новым годом в клубе было торжественное собрание. Вера подошла к драгеру Пасюре, который сейчас, когда строилась ЛЭП, был там, в лесу, за бригадира:

— Что же ваши не все приехали?

— Как не все? — удивился Пасюра. — Все. Только Сема с дружкой своим в Оскор укатили. Оскорская холостежь их туда заманула. А шо им? Там и бичихи е ласкови, и танци-гулянци... Район!

Вера опустилась на соседний стул. А Пасюра, красный после баньки, довольный предстоящим отдыхом, был словоохотлив:

— Комедия вышла с этим Семою. Приехал до нас в лес один из газетки и пытается: «Кто у вас на ЛЭПе передовик? Я о нем отдельную статью напишу». Я говорю: Сема-тракторист самолучше работает. «А как его хвамилиа?» Я говорю: Ящур. Ну, этот шмендрик и закрутил носом: «Не можно такую хвамилию в передовую статтю!» Я говорю: ну хоть ускользь про его укажи. Так и ускользь, чертов собака, не указал!

Вера усмехнулась одними губами, почувствовала пустую злую радость.

— От так, Веруня, шо касается до Семы, — сказал Пасюра, глядя на нее без улыбки.

Просеку в полторы сотни километров успели проложить еще до снега. Всю зиму дымилась пожоги, ухали взрывы и в ямы, выгрызенные в скалистом грунте, устанавливали электроопоры из желтых свежошкуранных бревен. Конечно, строительство своими силами — это дело такое... Линия линией, а план по золоту давай, а драгам зимний ремонт делай. А где взять на все людей, транспорт, пятое, десятое? Однако, хоть и не сразу, дело притерлось, наладилось. Ожидали, что в первых числах мая, к началу сезона золотодобычи, по новой линии пойдет ток.

А в феврале на тридцатикилометровом участке просеки — от Балыктака до реки Оскор — случилась заминка. Здешнего прораба увезли в районную больницу с воспалением легких. Этот заболевший прораб был временным соседом Веры: он квартировал в маленьком старом домике, что стоял через огород от ее дома.

С неделю домик пустовал. Потом появился в Балыктаке новый прораб, а у Веры — новый сосед.

Уже сырые мартовские ветры тянули над тайгой. Морозы отпустили. Однако новый прораб крепко помнил о простуде своего предшественника. Уши его шапки были всегда опущены и туго завязаны под подбородком, отчего пухлые серые щечки по-старушечьи налезали на маленький рот. Воротник пальто он поднимал, повязывая сверху шарф. И такой он был весь плотненько набитый, аккуратненько завязанный, что однажды Клавка, кивнув бабам на него, прыснула:

— Мешочек!

И прилипло прозвище.

Плотно поужинав, Мешочек выходил из столовой, неся в кармане газетный сверток с котлетами и под мышкой термос с горячим какао. Если в клубе было кино, он отсиживал сеанс и отправлялся домой. Дома, развернув сверток, съедал котлеты, а потом расправлял измятую газету и читал ее, отхлебывая какао. В десять он ложился спать и спал до семи.

Казалось бы, проживи Мешочек в Балыктаке хоть сто лет — никому и на минуту не станет от того ни жарко, ни холодно. А вышло по-иному.

Приезжая на просеку, Мешочек, весь закутанный, мялся у машины, и в его кротких мутненьких глазках было страдание. Он страдал от предстоящей ходьбы по изрытому тракторами снегу, да еще то и дело в гору. Скоро все заметили, что он путается в собственных распоряжениях, постоянно о чем-нибудь забывая. А если слишком энергично лезли с напоминаниями, он отвечал с такой визгливой злостью, что бригадиры, сами прожженные горлопаны, столбенели на месте.

Каждую субботу Мешочек уезжал к семье в Оскор и возвращался только в понедельник после обеда. Это особенно всех возмущало — люди устали от почти безвылазного житья в лесу, — и однажды целая бригада взяла да и разъехалась по домам, прогуляв пять дней.

Приисковое начальство про все эти факты знало. Как не знать, если даже начальник балыктакской драги Федор Козлов, по горло занятый зимним ремонтом драги, — и тот со стороны видел, как залихорадило стройку. Бывая в Оскоре, в управлении прииска, он горячился:

— Гнать его поганой метлой!

— Давай кандидатуру взамен, — остужали Козлова. — Ты ситуацию понимаешь?

А кто ее не понимал? Как ни важна ЛЭП, не она была главной стройкой прииска и района. На новом месторожде-

нии монтировалась драга, там строилось жилье и прочее. Специалистов не хватало.

— Найдем человека — сразу уберем вашего Мешочка. А пока...

А пока надеялись его встряхнуть: все же строитель, с дипломом. Вызывали, крупно разговаривали. После каждой встряски Мешочек на день-два делался суетлив, а потом опять погружался в оцепенение, будто вслушивался в протекающий в нем процесс переваривания котлет и какао. Это оцепенение нарушилось неожиданным образом.

Как-то утром, еще шести не было, Мешочка разбудил петушиный крик. Мешочек выглянул в окно. Прямо перед окном на заборе сидел белый петух. Вернее, не белый, а грязный: всю долгую зиму Вера не выпускала кур и петуха из курятника, чтобы не поморозить, и вот он первый раз вышел на белый свет.

Мешочек постучал в окно, прошипел: «К-ш-ш-ш!» Петух покосился на стук, — и опять заорал. Пришлось одеться, выйти и согнать его с забора. Петух убежал к курам в глубь огорода. Теперь он орал в отдалении, но Мешочек после этой вылазки уже не мог уснуть.

То же повторилось на другое утро, и на третье. Итого каждые сутки — полтора часа недосыпу. Мешочек остановил Веру на улице:

— Продай петуха!

— Петуха? — удивилась Вера. — Или вам столовских котлет перестало хватать?

— Ты это... не надо! — обиделся Мешочек. — Орет под окном, отдохнуть нет возможности.

— Когда орет — время вставать.

— Ну, не хочешь продать — сама кинь его в суп. Я тебе за это десятку дам.

— Больно он жилистый для супа. И вообще... — Вера засмеялась: — как же курам-то без петуха?

Мешочек тоже захихикал:

— Ты же сама-то... это самое... обходишься без петуха? И ничего!

Мутные глаза Мешочка весело поблескивали. У Веры на вернулись слезы.

— А вы... гад, оказывается.

— Ты чего? — сказал Мешочек. — Шибко нотная!

Вера пошла от него прочь.

Теперь Мешочек просыпался с рассветом и ждал. Ему

всегда казалось, что петух запаздывает. Когда вопли наконец раздавались, он натягивал одеяло на голову, всякий раз надеясь, что петуха что-нибудь отвлечет — ну, курица там какая сманит с забора или что... Бесполезно! Петуху, видно, хотелось одного: чтобы полуодетый прораб сделал пробежку по холодку, пошвырялся чем попало и прошипел: «К-ш-ш, падла!» Тогда этот негодяй одобрительно отвечал: «Ко-ко-ко!» — и покидал забор до следующего утра.

На работе Мешочек теперь раздражался по всякому поводу. И настал день, когда он совсем не выехал на просеку. Сидел у окна, ковыряя замазку, и глядел на залитый солнцем огород Веры, где по комьям навоза, проступившим среди тающего снега, разгуливал среди кур его мучитель. К вечеру на дороге мелькнул красный «Москвич» начальника драги. Мешочек поспешил в контору.

Федор Козлов был в кабинете не один. Прислонясь к стене, стоял бригадир Пасюра: брюки выпущены поверх валенок, чтобы снег в голенища не лез, ватник в листовенничной коре — прямиком с просеки явился.

— А, вот и вы как раз! — кивнул Козлов Мешочку. — Что там у вас не слава богу? И трактористы по поселку гуляют, и вас самого...

— Какие трактористы? — нахмурился Мешочек.

— Та Ящур же! — сказал Пасюра. — Со сменщиком своим.

— А! — скривился Мешочек. — Ящур. Бывший этот...

— Бывший — ну и что? — Козлов старался говорить спокойно. — Плохо работает, что ли?

— А забирайте его! — Мешочек сердито засопел. — Мне асов не надо. Мне дисциплину надо.

— А знаете... — Козлов поморщился, вспоминая имя-отчество прораба, — ...Виталий Лукьянович! Вы знаете, что у Ящура за полтора года это первый прогул?

— Нечего мне знать!

Тут подал голос Пасюра:

— Ящур учора сказал, шо в гробу он видел ту горячку ждять.

— Разве не привезли вчера солярку? — недовольно спросил Мешочек.

— Та привезли! — усмехнулся Пасюра. — Вже по-темному. Когда Сема в поселке до другой горячки добрался... Я, Лукьянович, Сему не оправдую, но мы же ж вам всю неделю за солярку напоминали!

— Правильно! — вскрикнул Мешочек. — Забыл я, да! А знаете, какая у меня сейчас голова? Во! — он воздел пухлые ладошки. — Котел! Все дергают. А кто-нибудь спросил: я сплю? Почему я вторую неделю не сплю?

Козлов поднял брови:

— Ну и почему?

— Я и пришел заявить. Этой... как ее... Верки этой петух — под окном орет ни свет ни заря. Вы ей, начальник, — и внушите. Пусть запирает. Или прирежет — ей же, понимаешь, польза будет.

— Во-он что! — засмеялся Козлов. — Петух задолбал!

— Да! И нечего тут... иронии всякие... Скажете Верке, нет?

Козлов только хмыкнул.

— Ладно! — кивнул Мешочек. — Хорошо!

И покинул кабинет.

Заворачивая в проулочек к столовой, Мешочек наскочил на Сему и Толика. Дружки-прогульщики (тык-мык — бежать некуда) обреченно свесили головы.

— Идите сюда! — неожиданно миролюбиво сказал прораб. Он сунул пораженному Семе деньги, проинструктировал обоих, а сам отправился не в столовую, а домой. И сел ждать.

Первый прибежал белобрысый Толик. Выгрузил на стол свертки, две бутылки и засуетился: резал колбасу и хлеб, дул в стаканы, деликатно отколупывая мизинчиком засохшие следы какао. Мешочек, сидя у стола, время от времени брал кружочек колбасы.

— По три восемьдесят колбаска! — лебезил Толик, растапливая прорабову печку. — Вы кушайте, мы особо не хотим!

Мешочек, не отвечая, важно жевал.

Наконец явился Сема.

— Задержанный доставлен! Шучу, конечно! — и опустил на пол, в углу у дверей, белого грязного петуха. Петух, будто в смирительную рубашку, был заключен в авоську, перевязанную у ручек бечевкой. Он сердито махал гребнем, большим, как перчатка.

— Этот баклан клюнул мне сюда, — Сема показал пальцем на кадык. — За самое запрещенное место!

Он присел к столу, покашлял.

— Мне на два пальца, больше не наливай! — приказал Мешочек Толику. Когда выпили, он налег на колбаску, а дружки, бросив в рот для приличия по кружочку, закури-

ли. Они все еще были сбиты с толку таким поворотом обстоятельств.

Некурящий хозяин дома, отогнав от лица дым, буркнул: — Форточки нету — дверь хоть приоткройте.

Толик вскочил и приоткрыл.

— Все же интересно, — Сема кивнул на петуха, притихшего в углу. — Что вы с этим бандитом хотите предпринять?

Толик ласково уставился на начальство:

— Виталий Лукьянович его в лапшу покладут!

— Вы мне его, главное, того... — Мешочек стукнул себя ребром ладони по загривку. — А в лапшу сами, хотите, кладите.

— О! Нам приварок будет! — воскликнул Толик и разлил по стаканам остатки из первой бутылки.

Сема пить не стал. Помялся и спросил:

— Значит, вы, Лукьяныч, наподобие джентельмена?

— Да, — важно кивнул Мешочек. — Как говорю, так и делаю. Прогул вам не выведу.

— Ну так вот... — Сема помедлил, как бы смущаясь чего-то. — Вы человек тучный, спокойный, вам бы этого кровопийцу в жизнь не поймать. А мы поймали. Значит, мы с вами уже и так — баш на баш?

— Ты к чему это?

— Нам, конечно, неудобно сказать, но... вы кончайте его собственноручно.

Мешочек перестал жевать. Повисшее молчание почему-то возбудило петуха, он угрожающе завопил.

— Вот! — Мешочек вздрогнул. — Мало, что по утрам орет, так и сейчас, падла...

— Уладим! — сказал Сема и подошел к петуху. Он развязал на авоське бечевку и перевязал ею клюв. А концы бечевки закрепил у петуха на шее.

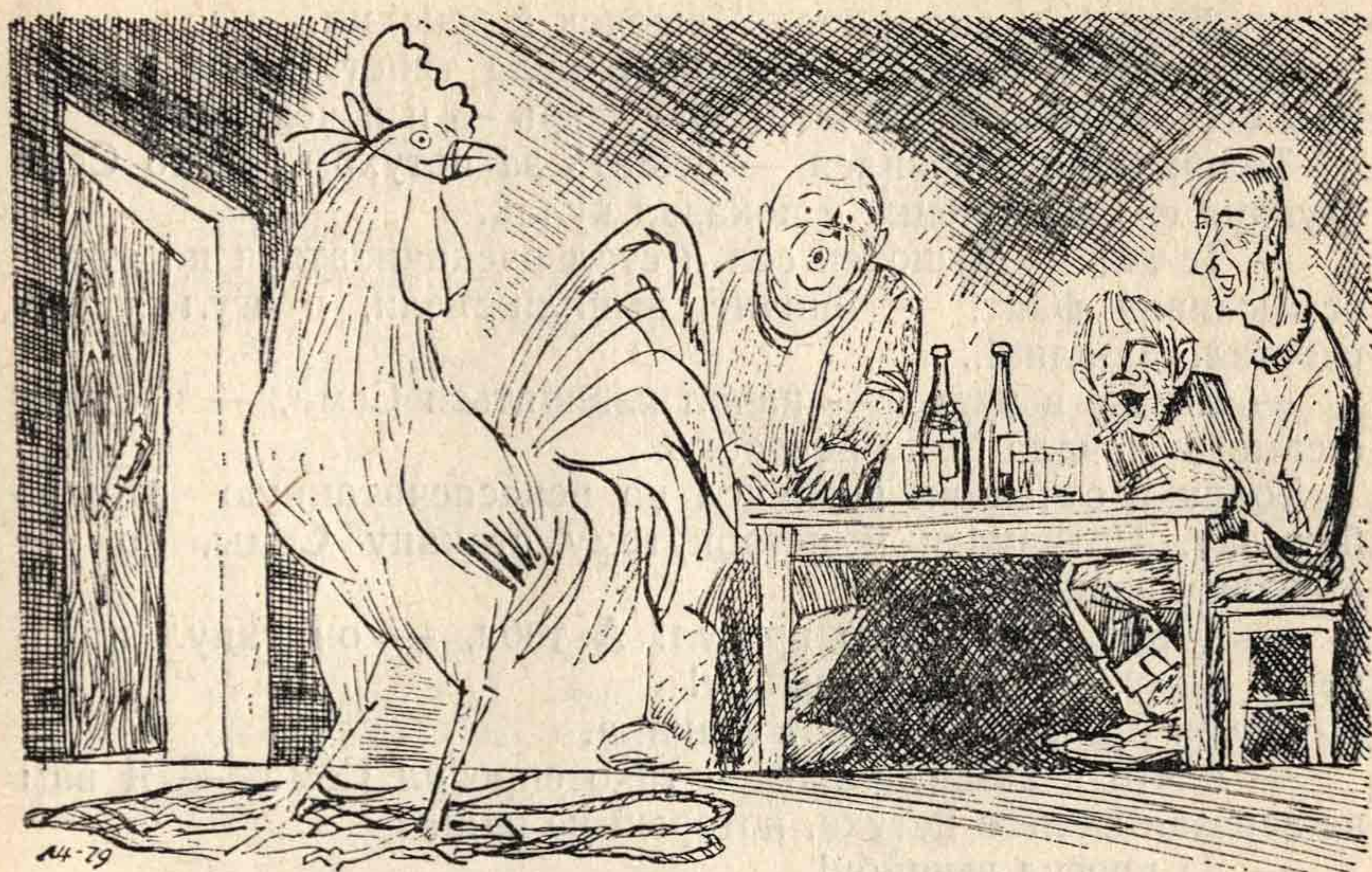
— Намордник! — восхитился выдумкой Толик. — Не! Наклювник!

— Глушитель, — сказал Сема, возвращаясь к столу. — Мера пресечения, чтоб не орал.

Петух замер, втянув голову. «Глушитель» вогнал его в испуг и недоумение.

— Ты авоську-то развязал, — встревожился Мешочек. — Вылезет!

— У него ума не хватит, — успокоил Толик. — Он думает, что связанный, он...

— Подождите! — Мешочек заерзал на стуле. — Но я никогда их не резал. Я не могу.

— А я тыщу курей перерезал! — хвастливо закричал уже пьяненький Толик.

— Потихоньку! — одернул его Сема. — Толик тоже не будет резать.

— Мокрого дела боишься? — Мешочек дребезжаще засмеялся.

— Не надо таких словечек! Вам оно не мокрое, а я забрызгаюсь. А с меня давно хватит.

Снова повисло молчание, которое на этот раз нарушил Толик.

— У нас в Брянской области примету знают, — задумчиво произнес он и поднял палец. — Кто ласточку убьет, у того знаете, что будет?.. У того дом сгорит, а корова будет красным молоком доиться.

— Не болтай! — прикрикнул Мешочек. — Нашел ласточку... — и повернулся к петуху.

И странно забулькал горлом. Друзьки тоже поглядели в угол. Петух стоял, отряхиваясь. Авоська кружком лежала у его ног. Он переступил через нее, клювом дважды шаркнул о пол, пытаясь избавиться от «глушителя», и картинно покоился на компанию за столом.

— Дверь! — опомнился Мешочек и вскочил.

Но петух и сам уже усвоил, откуда тянет морозцем. Он прытко метнулся в приоткрытую дверь — и исчез.

Толик было завозился — бежать за петухом, — но Сема стукнул его по коленке и показал кулак.

— Та-ак! — Мешочек сел и стал раскачиваться на стуле, осмысливая факт. — Значит, выпили-съели, прогул я вам скостил. Ла-адно!..

— Вы же в курсе, — начал извиняться Сема, — что нам с самого начала было неудобно.

Толик в отчаянии поглядел на нераспечатанную вторую бутылку. Потянулся к нетронутому стакану Семы, но тут Мешочек взвизгнул:

— Я вам проставлю прогул! А тебя, — он ткнул пальцем в Сему, — совсем вышибу!

Толик отдернул руку от стакана.

— А что я вам сделал? — тихо спросил Сема. — Я вам не зарезал вашего петуха, который не ваш?

— За прогул вышибу!

— Не возражаю, — кротко согласился Сема. — Прогулы — вещь непререкаемая... Но возьмем мой трактор и поглядим. Он два дня стоял без солярки почему? Не примите за обиду, но... — он вдруг взревел: — Это ты, морда дряблая, телился!

— Ты че, ты че? — испугался Мешочек.

— Ша! — прошептал Сема. — Я уже молчу, а то у вас остынет аппетит на колбасу. — Он поднялся. — Толик! Наш друг начальник желает свидетелям слинять.

Толик сидел съезжившись: боялся своим уходом навлечь на себя гнев Мешочка. Сема постоял — и молча вышел.

...Смеркалось. Сема добрал до общежития, но заходить не стал. Покурил, опершись о штакетник, и медленно отправился назад.

На его стук открылась наружная дверь.

— Сема?

Вера припала плечом к дверному косяку. В дом не пригласила — то ли забыла от неожиданности, то ли еще что...

— Если у тебя гости, то я на полсекунды.

— Какие гости? С чего ты взял? Ах, да... Проходи!

— Я к тебе насчет петуха.

Вера непонимающе взглянула на него. Потом оттолкнулась от косяка, зло выдохнула:

— Он и тебе спать не дает?

— Не делай с меня Мешочка, — жестко сказал Сема. — Мне надо увидеть петуха.

— Ага... Переговорить?

— Глушитель с него снять.

— Что-о?

— Ну, намордник.

Она взялась за дверную ручку.

— Опять пьяный?

— Ошибаешься. А петух может удавиться при первом несчастном случае.

Уяснив наконец, в чем дело, Вера скрылась в дверях и через минуту выскочила в накинутой на плечи шали, с фонариком.

В сарае тусклый лучик нашарил петуха. Он сжался в углу на жердочке, вид у него в «глушителе» был потешный и печальный. Сема снял бечевку. Петух поразевал клюв, словно разминая его, и издал неуверенный хрип.

— Бедненький... — прошептала Вера.

— Прокашляется! — сурово сказал Сема.

Медленно вернулись к крыльцу и остановились. Вера тихо рассмеялась:

— Начудили!

Сема не откликнулся. Она тоже умолкла. Там и стояли.

— Вера!.. — он помялся, пощелкал пальцами. — Ты помнишь нашу летнюю встречу?

— Встречу? Это когда ты с крыльца-то заиграл — это встреча была? Напился, черт носатый!

— Правильно. Мы обое тогда выступили. Но я хуже. — Он вздохнул. — Вера! Давай не будем вспоминать эти мемуары. — И поднял голову. Из окна падал свет, и видны были глаза Веры, большие, темные и в слезах.

— Ходил бы, как человек... — она всхлипнула. — А то явился тогда, как этот...

Она дрожала, куталась в шаль.

— Холодно? — сипло спросил Сема, обняв ее.

Она расплакалась, уткнувшись лицом ему в грудь.

— Холодно, Семочка!.. Как холодно, знал бы ты!..

— Ну-ну! — забормотал он. — Брось ты!.. Эх, Верка... Это надо же — слышишь? Я думал — зайти, не зайти... А тут глушитель этот как раз...

— Глушитель! — Вера засмеялась сквозь плач. — Изобретатель... Горюшко... Пойдем!

И они ушли в дом.

Скоро хлопнула дверь в домике за огородом: это Толик, распрощавшись с Мешочком, подался в общежитие.

Потом погасли окна в доме Веры.

И встала над Балыктаком северная апрельская ночь — с морозцем, с шевелящимися звездами. Мерцал лед, прохвативший до дна мелкие лужицы на дорогах, и было слышно, как за поселком щелкают и стреляют деревья на темных сопках. Глубокой ночью петух в недрах курятника несколько раз вскрикивал и опять засыпал.

А когда рассвело, когда засинели в тумане близкие сопки и белые печные дымки встали над крышами, петух вылез наружу через лаз, пропиленный в двери сарая. Отряхнулся. Несколько раз заводил было песню, но сам себя обрывал — так, глотку пробовал. А потом — ну ничему не научилась глупая птица! — не спеша направился к излюбленному месту.

На заборе он спел от души. В окне сразу обозначилась бледная физиономия Мешочка.

Распахнулась дверь в доме Веры. Выскочил Сема. На нем был не вчерашний рабочий ватник, а белая рубашка, не заправленная в штаны, новенькая — с еще не оторванной этикеткой. А поверх этой замечательной рубашки — что бы вы думали? — малиновый пуловер! Правда, с коротковатыми рукавами, но рукава можно ведь потом довязать, лишь бы нитки были, а нитки у Веры еще остались. Другое дело, что в столь ранний час следовало бы дать Семе чуточку поспать, подождать с примеркой, но, опять-таки, разве мало и так Вера ждала?..

Ловко маневрируя. Сема загнал петуха обратно в курятник. Затем подошел к забору и махнул Мешочку, глядевшему из окна. Мешочек вышел и встал по ту сторону забора, пялясь на Семин наряд.

А Сема, подбоченясь и, словно карманными часами, поигрывая этикеткой на подоле рубашки, что-то Мешочку сказал — да такое, что Мешочек сразу наострился внимательно слушать.

Сема добавил еще несколько слов. Мешочек торопливо закивал головой. И они через забор пожали друг другу руки, словно скрепляя некий договор. После чего Сема, с сомнением прищурясь на Мешочка, поводит указательным пальцем у него под носом. Мешочек отчаянно помотал головой: мол, нет-нет, мое слово твердое!..

И они разошлись.

В полдень Федор Козлов, проезжая на своем «Москвиче» на драгу, видел, что Сема колет дрова у Веры. А когда возвращался в контору — во дворе уже желтела новая поленница и такой же новенький, принаряженный Сема покурился на крыльце, а рядом вертелся Толик, тоже какой-то... отмытый, что ли.

В конторе к Козлову подошел Мешочек:

— Дайте на денек тракториста! Пять опор поднять надо.

— Как же, сейчас дам. А Сема с Толиком пусть гуляют?

— Они по болезни оба! — поспешно сказал Мешочек.

— Уже «по болезни»?

— Я выяснил. По болезни. Да.

— Черт с вами! — в сердцах сказал Федор, решив сам разузнать, что там за болезнь. — Тракториста не дам.

Вечером Козлов зашел к Вере, а там — застолье. Среди всех возвышался Сема в малиновом пуловере, серьезный и вроде трезвый. Рядом сидела Вера, завитая, красивая, с блестящими глазами. Белобрысый Толик сосредоточенно втягивал носом парок, валивший от большой миски пельменей, а Клавка-телефонистка толкала его в бок, помирая со смеху. Компания была большая, и лица у многих уже смахивали цветом на Семин пуловер.

— Ой! — испугалась Вера, увидев начальника драги.

— А что же Сема не скажет «ой»?

— Станиславич! — Сема приподнялся. — Если вы думаете, что это прогул, то это не прогул.

— А что же это?

Народ за столом приутих.

— Это типа свадьбы! — громко пояснил Толик.

— Да! — Сема положил руку Вере на плечо, она опустила глаза. — И я имею время на медовую трехдневку.

— Тогда... — Козлов опешил, — чего же этот... ваш про- раб говорит, что вы по болезни?

Сема заухмылялся:

— Он не в курсе наших подробностей, вот и сочиняет. Я ему сказал, что мне надо время, и он дал.

— Ах, ты сказа-ал!..

А Сема уже вылезал из-за стола.

— Верочка, мы извиняемся!.. Станиславич, при всех неудобно. Проидеьтесь в тамбур, вам станет интересно послушать.

Из сеней оба вернулись оживленные. Федор не отказался присесть к столу и выпить стопку за молодых.

На рассвете он погнал «Москвич» в Оскор. А на обратном пути, свернув на боковую дорогу, заехал на просеку. Он успел: бригада только что пообедала и еще не ушла на работу. Люди выходили из большого рубленого тепляка, шурились на апрельское солнышко, закуривали. Козлов вылез из машины и отозвал в сторону Пасюру:

— Новость. Мешочка снимают.

— Та ты шо? Кто сказал?

— Сам Дроботов, при мне. Я только из управления.

— И кого — вместо?

— Кого... — повторил Федор с досадой и ковырнул сапогом мокрый плотный снег. — Меня.

— Серьезно?

— Дроботов мне заявил: мол, ремонт драги кончаешь, механик пока без тебя управится.

Пасюра помолчал, обдумывая новость.

— Мне сдается, давно бы так. Мужик ты моторный. Само собой... — он улыбнулся, — остался тут от Мешочка здоровый куль шишек на твою голову.

Федор хмуро оборвал его:

— Дней через десять приедут электромонтажники. А у нас — сколько еще опор ставить?

Пасюра зашевелил губами, полез в карман за блокнотиком, но Козлов махнул рукой:

— Ладно, завтра время будет. И так голова кругом.

— Но погодь! — Пасюра наморщил лоб. — Как это они надумали-таки с Мешочком? Раз — и турнули?

— А-а! — Козлов впервые за весь разговор улыбнулся. — Это его Сема Ящур турнул.

— Кто-о?

— Помнишь — Мешочек плакался, что петух спать не дает?

— Так.

— Сема петуху глушитель сделал. Ну — клюв обвязал веревочкой. И поставил Мешочку условие: мол, я на ночь надеваю на петю глушитель, а ты нам с Толиком прогулы не выводи.

— Ото ж Сема! — затряс головой Пасюра. — А шо ж Мешочек?

— Принял условие, не пикнул!.. Я сегодня Дроботову как рассказал про этот глушитель — он глаза выпучил. А потом — хлоп по столу! Ладно, говорит, уберем его от петуха. Ко всем свиньям!

Пасюра снял шапку, запустил пятерню в волосы — они были мокрые: погода такая, что не поймешь — и без шапки еще нельзя, и в шапке уже жарко... Ветерок приятно холодил голову, Пасюра сладко жмурился.

— Товарищ свежий прораб! За такое доброе дело нехай Семе выйдет скидка. А?

— Да пусть уж догуливает свою медовую трехдневку. Он у меня после за двоих попашет. Артист... — Козлов поглядел вдоль просеки, где опоры, желтея, поднимались в сопку, и добавил: — Не одному Семе за двоих-то придется...

Кивнул бригадиру — и пошел к машине.